

— Но в этом мире всё, как смена времён года или круговорот жизни и смерти, требует платы. Благоприятное время, подходящее место и согласие людей. Западное море откроет путь — это время. Все соберутся здесь — это место. Но вам не хватает одного — согласия людей...

Старый даос вдруг посмотрел на него пронизательным взглядом.

— Нужен человек, который добровольно принесёт себя в жертву.

— Что вы имеете в виду? — Сердце Янь Юньшу уже не билось так сильно, и его взгляд, устремлённый на даоса, стал спокойным.

— У этого человека должны быть предельно чистая вера, самые чистые чувства и готовность добровольно от всего отказаться: от эмоций, от себя, от надежды — чтобы обменять это на свободу стольких людей, оказавшихся вдали от дома... А в итоге этот человек умрёт. Но я предпочитаю верить, что он станет вездесущим... Мы искали четыре года и в итоге выбрали тебя...

Смысл его слов был очевиден: он должен был умереть. Янь Юньшу сдержал желание закатить глаза и прямо сказал:

— Не говоря уже о том, правда это или нет, я не понимаю, что заставило вас поверить в то, что я сделаю это, если вы скажете? Разве я выгляжу глупым?

Тут заговорил молчавший до этого господин Чэнь:

— Если считать, я здесь уже почти шесть лет. Каждую минуту я думаю о возвращении... Кстати, я ещё не спрашивал тебя: есть ли у тебя жена и дети? — Он вдруг поднял глаза на Янь Юньшу.

— Не играйте на моих чувствах. Вы же, наверное, проверили, кто я такой. Я человек, который смог бросить даже своего собственного отца.

Даос и господин Чэнь обменялись взглядами, в которых читалось одинаковое понимание, и господин Чэнь произнёс:

— Знаешь, почему я сначала решил тебя задержать?...

Вспомнив, как Хуа Сюй страдал в каменной темнице, Янь Юньшу свёл на него взгляды, готовый его живьём содрать.

Господин Чэнь встал, опираясь на трость. Янь Юньшу только сейчас заметил, что у него хромая нога.

— Здесь у меня есть власть и влияние. Кроме нынешнего императора, никто не может мне помешать. Я делаю то, что хочу... Ты не хочешь? Я найду способ заставить тебя. Никто не сможет остановить моё желание вернуться домой. Здесь всегда найдётся кто-то, ради кого ты откажешься от всего. Например, тот, кто только что без сожаления развернулся и ушёл. И ещё... ты думаешь, как пал твой отец?

— Что, блюдо не по вкусу?

Приятный голос Хуа Сюй прервал его мысли. Янь Юньшу резко очнулся, покачал головой и сказал:

— Вкусно, очень вкусно.

Сказав это, он начал заталкивать еду в рот.

— Кхе-кхе... Что ты мне положил? — Он закашлялся, закрывая рот, глаза покраснели от жжения, и он озирался в поисках воды.

Рядом Хуа Сюй холодным тоном заметил:

— Я вижу, у тебя настроение на нуле, поэтому добавил перцу, чтобы взбодрить.

Янь Юньшу невинно посмотрел на него. Его глаза были красными, в них блестела влага, ресницы прилипли к векам — он выглядел совсем жалко. Хуа Сюй, глядя на него, вдруг захотел рассмеяться. Он фыркнул.

Янь Юньшу глупо уставился на него и тоже улыбнулся.

— Я совсем не хочу возвращаться, — подумал он.

— Я сейчас не знаю, что делать... — опустив причины, он с тревогой высказал свои опасения.

— Господин Чэнь хочет не только конный двор, он требует, чтобы все окружающие лавки принадлежали ему. Если мы не согласимся, в конце концов, это плохо кончится. Разве хорошо быть мишенью для всех?

— Сначала поедим, потом поговорим. Небо ещё не упало.

Услышав его уверенный тон, Янь Юньшу вдруг расслабился. У этого человека была магия, заставляющая чувствовать покой. Он протянул руку. Хуа Сюй с недоумением посмотрел на него.

Янь Юньшу улыбнулся:

— Как раньше: похлопай меня по руке, и я поверю.

Хуа Сюй немного колебался, но всё же сделал это. Неожиданно Янь Юньшу сжал его руку. Его глаза сияли:

— Как во сне. Я никогда не думал, что ты согласишься. Я хочу спросить: ты согласился потому, что тоже немного любишь меня?

Труднее всего было смотреть в эти искренние глаза. Возможно, в его сердце и произошло что-то, но Хуа Сюй в этой жизни любил лишь один смутный образ. Он не знал, что будет чувствовать, если та девушка однажды действительно встанет перед ним. Он не понимал и не хотел лгать, поэтому промолчал.

У Янь Юньшу было сердце, крепкое как железо. Он нисколько не разочаровался, а наоборот, полный боевого духа, сел рядом и, взяв его под руку, искренне сказал:

— Тогда начнём с того, чтобы есть вместе. Однажды ты полюбишь меня.

Когда он говорил, его лицо сияло, глаза словно светились. Хуа Сюй вдруг подумал, что этот человек неплох.

Янь Юньшу был тем, кто, проходя мимо лужи, обязательно смотрел на своё отражение. Он

очень хорошо знал свои достоинства, знал, под каким углом и как нужно улыбаться, чтобы нравиться... В этот момент снаружи падало мягкое солнечное освещение, скользя по его лицу. С этого ракурса его глаза казались светло-коричневыми, ресницы — чёткими, а улыбка — полной любви, и в этих глазах был только Хуа Сюй.

Вдруг он почувствовал мягкость на губах — Янь Юньшу подался вперёд. Хуа Сюй хотел отстраниться, но глядя на то, как дрожат его закрытые ресницы, он почувствовал незаметную даже себе жалость. Вспомнив, как тот всюду его оберегал и относился с такой осторожностью, он не смог пошевелиться...

Янь Юньшу тайно ликовал, зная меру, он поцеловал его, затем хитро улыбнулся, взял палочки и начал накладывать ему еду, радостно говоря:

— Ешь! Поедим и пойдём! До Нового года осталось десять дней, в этом году мы будем праздновать вдвоём...

Долго он не говорил, но его настроение вдруг испортилось. В сердце застряла заноза, которую он не мог вытянуть. В этот момент он больше не смог терпеть и, нахмурившись, спросил:

— Тебе не всё равно на твоего отца?

Лицо Янь Юньшу стало пустым, словно на него вылили ведро воды. Губы шевелились, глядя на Хуа Сюй, он ева выдавил:

— Что ты сказал?

Хуа Сюй вздохнул, но не стал говорить всю правду. Он смягчил тон и спокойно произнёс:

— Я однажды видел тебя в городке Цюлянь. С тобой был старик, он с тобой прощался. Разве это не твой отец? Почему ты не взял его с собой?

Янь Юньшу вспомнил, чувствуя растерянность. Он думал, что воспоминания о Цюляне давно пожелтели в его уме, как увядшие цветы хризантемы, но когда их вдруг подняли на поверхность, стало кислотно-горько. В мыслях всплывало только доброе лицо старика, а оберег, который он носил на груди, у самого сердца, стал почему-то неестественно горячим.

— Если вы все уйдёте, этот мир естественным образом восстановится, и всё потерянное вернётся, — слова даоса снова зазвучали у него в ушах.

На самом деле он верил в это. Всегда верил.

У всего есть начало и конец, причина порождает следствие. Стоит ему уйти, и настоящий Янь Юньшу вернётся.

Так он кому-то что-то должен?

— Нет. С того момента, как он написал письмо, чтобы уйти из прошлой жизни, он сказал себе: нет. Он имеет право жить своей жизнью. Не жизнью Янь Юньшу и не прежней собой. Придя сюда, он стал совершенно новым человеком.

Но только сейчас он ясно осознал, что выбрал путь, не отличающийся честностью. Он отрезал старика от всех надежд на его сына.

Ещё ни разу в жизни он не чувствовал себя так униженным.

Словно ему дали пощёчину. Янь Юньшу опустил голову, лицо горело, и он почти не смел смотреть на Хуа Сюй.

— Я...

Он машинально скручивал пальцы. Хуа Сюй решил, что тот чувствует вину за то, что бросил старика, и в сердце вдруг стало меньше обиды. Он взял его руки в свои и, выпрямляя пальцы по одному, небрежно сказал:

— Что ты... Опять забыл, что рукой нельзя напрягаться?

— Не забыл... — Он хотел что-то сказать, но словно горло заткнуло, и он не мог выдать ни слова.

Хуа Сюй опустил голову и спокойно произнёс:

— Наверное, у каждого ребёнка с малых лет есть бунтарское сердце, желающее уйти из дома. Просто я не думал, что в твоём возрасте это тоже бывает. Если тебе действительно стыдно вернуться домой, я ничего не могу поделать. Что же делать? Ты говори...

— Когда всё это закончится, ты пойдёшь со мной домой? — Он поднял голову, глядя на Хуа Сюй с надеждой.

Именно этот взгляд, раз за разом, заставлял его отказываться. Он натянул струну в сознании, с трудом сохраняя спокойствие, и впервые сказал то, что на него не похоже. Глядя ему в лицо, он произнёс:

— А зачем ждать?

Янь Юньшу усмехнулся:

— Я уже ошибся однажды, как же могу ошибаться снова? Теперь не могу вернуться — это сам виноват.

Эту последнюю фразу Хуа Сюй не понял, но видя его страдания, не стал допытываться, а лишь слегка кивнул.

<http://bllate.org/book/16872/1555076>